

НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ Н. А. ЛЬВОВА

Публикация З. Артамоновой

Среди бумаг Державина, хранящихся в Рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки, находится переплетенный в красный сафьян с золотым тиснением рукописный сборник сочинений Н. А. Львова, большей частью неизданных.

Николай Александрович Львов известен в истории русской литературы главным образом как друг Державина. Дружба и родство со знаменитым поэтом, а также разносторонность вкусов и занятий самого Львова заслонили его поэтическое творчество. О нем упоминали как об архитекторе, построившем «Приорат» в Гатчине, или как об исследователе, впервые открывшем боровичский уголь; указывали на его меценатскую деятельность, на его роль кружкового арбитра и советчика Державина; даты его биографии определялись соотносительно с Державинскими; над его же поэтическим творчеством тяготел приговор Я. Грота («открывшего» Львова в качестве комментария к Державину), что оно, «как кажется, не отмечено, вообще говоря, печатью большого таланта»; эту формулировку в точности повторил Н. Строев в статье о Львове в Биографическом словаре. Отзыв Грота несколько оправдывается исторической обстановкой: в ту эпоху (60-е годы) самому Гроту приходилось защищать от нападок критики другого поэта, уже несомненно отмеченного «печатью» — Державина. Между тем Н. А. Львов заслуживает большего внимания к себе не только как один из лучших представителей дворянской интеллигенции конца XVIII в., но и как интересный и своеобразный поэт.

Последняя треть XVIII столетия в России, в которой культурные и литературные сношения с Европой шли главным образом через посредство Франции, была ознаменована усиленным проникновением буржуазной идеологии, окончательно сформировавшейся во Франции в середине века и в области литературы нашедшей свое выражение в сентиментализме, манифестом которого во Франции явилась «Новая Элоиза» Руссо; французы же познакомили Россию с произведениями английских сентименталистов. Но попадая в Россию, в условия значительной экономической отсталости, крепостническо-помещичьего строя, полуазиатского абсолютизма, когда в культурную жизнь (прежде всего в европейскую культуру) оказывалась вовлеченной лишь незначительная часть столичной верхушки привилегированного сословия, буржуазная идеология своеобразно втискивалась в рамки этих условий. Так создавалось замечательное и своеобразное явление русского обуржуазивавшегося дворянства — своеобразный русский сентиментализм; буржуазная идео-

Н. А. ЛЬВОВ

Гравированный портрет, приложенный к переведенному им сочинению „Архитектуры Палладиевой первые четыре книги“ (1798 г.)

логия, за отсутствием в России подходящих традиций третьего сословия, воспринималась вследствие этого противоречиво. Так сентиментализм и руссоизм, во Франции взрывавший старый строй, в России уживался с монархически-охранительными тенденциями и крепостнической идеологией. Так получился исторический фарс с якобинцем Лагарпом в роли ментора Александра I,—ученик, придя в возраст, оказался главой реакции в Европе.

Львов был характерным представителем своего поколения. Начав свою жизненную карьеру в эпоху своеобразного потемкинского демократизма, когда у власти оказывались люди, обязанные своим преуспеянием если не личным достоинствам, то личной энергии, он, происходивший из незнатной и небогатой дворянской семьи, всем был обязан самому себе. По словам первого его биографа, двоюродного его брата Федора Петровича Львова, «труд, нужда и чужая сторона укрепили и разум его и сердце». Он сделал карьеру при графе Безбородко, который ценил в нем его образованный ум, разнообразные таланты и энергию; к пятидесяти годам он—тайный советник, член экспедиции государственного хозяйства, опекунов иностранных, управляющий училищем земляного строения и комиссии о разработке каменного угля, кавалер двух орденов и очень состоятельный человек. Вся жизнь его проходит в кипучей деятельности в столице, где между делом он вместе с Державиным не безвыгодно занимается коммерческими операциями с хлебом и скотом. Но его идеал—это семейная идиллия на лоне природы в его тверском имении, занятия художеством и поэзией.

«Будучи записан в гвардию в Измайловский полк, он пустился в Петербург и явился в столицу в тогдашней славе дворянского сына, то-есть: лепетал несколько слов французских, по-русски писать почти не умел, но к счастью, не имея богатства, он не был избалован разными прихотями. Явясь в полк, помещен он был в бомбардирскую роту и ходил наравне с другими учениками в полковую школу», пишет о нем Федор Львов¹. Он посещает школу полка, учится всему сразу—наукам, языкам, архитектуре, живописи, интересуется техникой, увлекается поэзией и музыкой. К этому времени относятся и первые его литературные опыты. В частных руках сохранился рукописный журнальчик, издававшийся литературно-художественным кружком школы. В рукописном собрании Института Русской Литературы Академии Наук СССР имеется тетрадь Львова, начатая в 1772 г. и представляющая собой любопытный образец «литературной учебы» этого дворянского сына 70-х годов. Здесь и выписки из прочитанных книг, и переводы с французского на русский и итальянский, и собственные стихотворные опыты на всех языках, и французские и итальянские вокабулы. Его начальник берет его, вместе с Хемницером, в заграничное путешествие; он посещает Германию, Голландию и Францию; впоследствии ему по служебным делам (он служил в почтовом департаменте, входившем тогда в Иностранную коллегию) пришлось опять быть в Германии, Италии и Испании; его путевая тетрадь заполнена заметками о картинах знаменитых художественных собраний, которые он посещает; проездом в Вене он знакомится с Метастазео.

Львов дважды совершил большие путешествия по России: первый раз, сопровождая Екатерину II в ее поездке на юг, второй раз—перед самой своей смертью, в 1803 г.—посланный в научную командировку Александром I на Кавказ и в Крым; на Кавказе он исследует минеральные воды; в Крыму усиленно занимается археологией; его тетради испещрены зарисовками виденного в путешествии.

Львов придумывает барельефы для залы Сената, принимает участие в создании иллюстраций к сочинениям Хемницера и Державина, рисует фронтиспис к своему изданию «Рассуждения о перспективе», делает проект церкви св. Иосифа в Могилеве, который восхищает Екатерину, по поручению Безбородко делает чертежи и проектирует фасады здания Почтамта. Он открывает в Боровичах карьеры каменного угля, делает опыты извлечения из него серы; он изобретает способ строить здания из битой глины, строит гатчинский «Приорат», учреждает у себя в имении «училище земляного битого строения»; Львов переводит и пишет книги по архитектуре и технике, устраивает придворные праздники, пишет стихи, либретто для опер, собирает русские песни, переводит Анакреона, издает летописи. Он дает советы Левицкому, покровительствует Фомину, который пишет музыку для его оперы, пригласив художника Егорова; Боровиковский живет у него в доме продолжительное время.

Вокруг Львова группируется кружок друзей, центр петербургской литературы: Державин, Хемницер, Капнист, А. С. Хвостов, Храповицкий, Вельяминов, Оленин, впоследствии Дмитриев. Об этом кружке можно было бы сказать то же, что сказал Брюнетьер о салоне жены Гельвеция: получалось так, что все вокруг него оказывались в родстве друг с другом. Капнист и Львов были женаты на сестрах Дьяковых;

М. А. Дьяковой, впоследствии жене Львова, сделал предложение Хемницер, Дмитриеву сватали третью сестру Дарью, вышедшую впоследствии замуж за овдовевшего Державина.

В этом кружке Львов был, по выражению Ф. Львова, «гением вкуса, утверждающим произведения друзей своей печатью».

Державин неоднократно указывал на влияние на него Львова, сформировавшего в значительной мере его литературное мировоззрение; известны его поправки оды на взятие Измаила, стихотворения «Мечта» и др. Хемницер не считал законченной ни одну басню, не показав ее прежде Львову. Эстетическое влияние его простирается за пределы кружка: Безбородко подражает ему в своих письмах, пересыпая их шутками и итальянскими фразами в манере Львова. Дипломат Морков пишет в одном письме к Безбородко: «Гр. Румянцев на сих днях отсюда выезжает, терзаемый любовью и влеченный славой. Сию фразу я сплел для Н. А. Львова, которую прошу ему прочесть, он будет конечно ею доволен».

Многосторонность художественной деятельности Львова навлекла на него обвинение в дилетантизме, в особенности по отношению к литературе. Львов очень скупо отдавал в печать свои литературные произведения; треть его стихотворений—послания друзьям, имеющие личный характер; он сам неоднократно указывает, что пишет «впопыхах, по случаю».

Посылая Н. П. Яхонтову свою «пастушескую» шутку «Милет и Милета» с просьбой написать для нее музыку, он пишет: «оперетку, которой ты у меня слова видел, секретарь безграмотности моей потерял со всеми моими в з д о р н ы м и с о ч и н е н и я м и , з а п и с к а м и , ж у р н а л а м и , которые в тридцать лет кое-как накопились...» Это кокетничанье дилетантизмом подводит последний под подозрение. Посылая письмо Петру Васильевичу Бакунину, написанное вперемежку прозой и стихами, он приписывает в конце: «пишу на чужой бумажке в канцелярии Александра Андреевича [Безбородко], ожидая его возвращения, а почта идет и не ожидает». К А. М. Бакунину посылает он два стихотворения и опять отмечает, что «у себя и помарочки не осталось». В письме прозой и стихами Державину по поводу стихотворения Державина «На победы в Италии» просит прислать копию этого письма «для справки». Но копию он все-таки просит прислать, так же как просит Бакунина вернуть посылаемые ему стихи.

Все эти послания и письма оказываются тщательно переписанными писцом в тетрадь в сафьяновом переплете, и переписанными в м е с т е с указанными прозаическими приписками: два стихотворения, посланные к Бакунину, писаны писцом, потом Львов своей рукой вписывает свою (бесполезную в этой тетради) просьбу вернуть стихи, и затем писец копирует ответ Бакунина; письмо к Державину переписано в тетрадь два раза. Характерен ответ Бакунина: «Вот вам копия; у вас кто-нибудь разберет и перепишет, а оригинал я не отдам, потому что хочу я его когда-нибудь употребить как в Освобожденном Иерусалиме Убальд употребил алмазный щит в садах Армидиных». Дружеские послания Львова копировались и ходили по рукам. Они могли и не появляться в печати, потому что и так были известны как литературные произведения. Приписки с извинениями за спешность и небрежность, обязательные при каждом послании, принимали характер жанрового

признака: дилетантизм становился литературной позицией, «профессиональным дилетантизмом», кружковщина возводилась в принцип.

Львов оказывается одним из первых представителей литературного направления, главой которого стал молодой Карамзин.

Прозаическое письмо к Вельяминову появляется в первой книжке IV части «Московского Журнала», бок о бок с «Письмами русского путешественника». Это сотрудничество сорокалетнего Львова в «Московском Журнале» (между прочим он указан одним из первых в числе лиц, подписавшихся на журнал в Петербурге) совершенно естественно. Воспитанный на Руссо, которого он во французском четверостишии, находящемся в упомянутой ранней его тетради, называет своим образцом, зачитывавшийся в молодости Винкельманом, Львов строил свой поэтический и жизненный облик в духе гораццианского идеала, воспринятого сквозь призму буржуазной сентиментальности; недаром Державин в послании к нему рисует его счастливым семьянином на лоне природы, занимающимся поэзией, и влагает в его уста заключительную сентенцию:

Ужель тебе то неизвестно,
Что обольщенным жизнью дворской
Природа самая мертва?

Начавши свою литературную деятельность стихами в духе сумароковской школы (в ранней тетради его имеется ряд его стихотворений периода 1772—1780 гг., одно из них—идиллия «Вечер»—было напечатано в «Собеседнике Любителей Российского Слова»)², Львов в 90-х годах оказывается на гребне литературной волны: пишет сентиментальные романсы в духе Дмитриева, возводит интимное письмо в ранг жанра, увлекается проблемой «народности» в литературе. Но творчество Львова эпохи 90-х годов требует более внимательного рассмотрения: основным источником для него служит упомянутый рукописный сборник его сочинений, из которого и взяты приводимые ниже стихотворения Н. А. Львова.

В 1793 г. выходит в свет отдельной брошюрой «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго, из древней исландской летописи Книтлинга сага, Маллетом выписанная и в Датской Истории помещенная» в переводе Львова; параллельно приведен французский текст. В 1794 г. Львов издает свой перевод Анакреона (сделанный им с подстрочного перевода Евгения Булгара), также с параллельным (греческим) текстом.

Указание на принадлежность Львову целого ряда стихотворений, помещенных в «Московском Журнале» за подписью N. N., которое вслед за примечаниями Грота в I томе Собрания сочинений Державина повторяли все немногочисленные исследователи, занимавшиеся Львовым, неправильно и основано на ошибке Грота, который приписывал Н. А. Львову стихи двоюродного брата его Ф. П. Львова (большинство этих стихотворений вошло в сборник сочинений Ф. П. Львова «Часы свободы в молодости», на него же определенно указывал Карамзин в письме к Дмитриеву от 18/VII 1792 г.). Грот впоследствии исправил свою ошибку; исправление это помещено в дополнительных примечаниях в IV томе Собрания сочинений Державина и почему-то ускользнуло от внимания позднейших исследователей.

В «Московском Журнале» Львову несомненно принадлежит только указанное выше «Письмо Н. А. Л. к П. Л. В[ельяминову]». В первой

Стернов Чирик,

Валюша Аммиша-ов поэт
со-дѣлалъ на дѣломъ;
спури, спури дѣла отъ него
о! мнѣ на помощь другъ мой.

посадъ насъ въ Катмунъ на-мѣстѣ
и по-мѣстѣ мнѣ вѣдѣ:
спури, спури мнѣ у-дѣлѣ
и дѣлѣ у-дѣлѣ
спури, спури мнѣ вѣдѣ
о мнѣ на-мѣстѣ другъ мой.
Валюша Аммиша-ов поэт
со-дѣлалъ на дѣломъ.

не у-дѣлѣ, мнѣ вѣдѣ
спури, спури мнѣ вѣдѣ.
Валюша Аммиша-ов поэт
со-дѣлалъ на дѣломъ.
спури, спури мнѣ вѣдѣ
о мнѣ на-мѣстѣ другъ мой!

о! Катмунъ мнѣ вѣдѣ
въ Катмунъ на-мѣстѣ мнѣ вѣдѣ,
дѣлѣ мнѣ вѣдѣ на-мѣстѣ мнѣ вѣдѣ
и дѣлѣ мнѣ вѣдѣ на-мѣстѣ мнѣ вѣдѣ.
Валюша Аммиша-ов поэт
со-дѣлалъ на дѣломъ.
спури, спури мнѣ вѣдѣ
о мнѣ на-мѣстѣ другъ мой!

Валюша 1000
1793

книжке «Аонид» помещены три стихотворения Львова: «Музыка или семитония», «К Дорализе» и «Отпускная двум чижикам». Львову же несомненно принадлежат два стихотворения, напечатанные в майской и июньской книжках второй части журнала «Муза»: «К Доралисе. Стихи на Розу» (другое стихотворение, чем в «Аонидах») и «Отрывок из письма к А. М. Бакунину», который к сочинителю прислал из деревни стихи «На зависть, на скуку, на воображение, на праздность». Первое из этих стихотворений находится в упомянутой рукописной тетради сочинений Львова; второе стихотворение, подписанное, как и первое Н. (других стихов в «Музе» за этой подписью не имеется), адресовано А. М. Бакунину, приятелю Львова, с которым он вел литературную переписку (в рукописном сборнике сочинений Львова имеется между прочим другое послание к А. М. Бакунину, печатаемое ниже); оно написано в характерной для посланий Львова шуточной и фамильярной манере, неравностопными стихами (ср. «Письмо к Державину», стихи в «Ботаническом путешествии на Дудорову гору», находящееся в рукописной тетради стихотворение «Щастие и фортуна» и в особенности адресованное тому же Бакунину послание от 1/X 1801 г.).

Уже после смерти Львова, в «Друге Просвещения» за 1804 г., ч. III, № 9, была напечатана первая глава «Добрыни, богатырской песни» (написанной в 1796 г.) и в 1805 г. в № 2 «Северного Вестника» его «Ботаническое путешествие на Дудорову гору», 1792 г., Майя 8».

Отдельного сборника своих стихотворений Львов не издал. Но по существу таким сборником является интересующий нас рукописный том его сочинений. Этот рукописный том начат, судя по вытисненной на корешке переплета цифре, в 1797 г.; но в него внесен целый ряд произведений более ранних годов. Всего в томе имеется около ста произведений Львова, в большинстве совершенно законченных, в том числе три оперы, «Ботаническое путешествие», «Добрыня». Ряд стихотворений—автографы или чистовые копии с авторскими пометками; в конце книги ряд мелких стихотворений записан рукой секретаря Державина Абрамова, вероятно уже после смерти Львова. Несколько стихотворений списано из путевых тетрадей Львова, веденных им во время последнего путешествия на юг России, вскоре после возвращения из которого он умер. В тетради заметны следы позднейшей редакторской работы, имеются пометки рукой того же Абрамова: «к посланиям», «уже писано», «дальше есть лучше» [вариант], «из двойной тетради». В начале тома помещено оглавление. Ряд мелких стихотворений списан вероятно из упомянутой ранней тетради Львова (рук. отд. ИРЛИ); в «двойной тетради», хранящейся там же, т. е. в путевых тетрадях 1802—1803 гг. имеются пометки Абрамова, сделанные теми же красными чернилами, что и в основной тетради Публичной Библиотеки.

Можно предположить, что среди друзей Львова возникла мысль издать посмертный сборник его сочинений. Мысль эта не была осуществлена, и в печати появились только самые крупные произведения Львова—«Добрыня» и «Ботаническое путешествие».

Среди произведений Львова значительное место занимают послания к друзьям, большею частью стихотворные, частью прозой, перемежающейся со стихами, как письмо к Державину и письмо П. В. Бакунину в рукописном сборнике. Отдельно стоит письмо, написанное прозой, к Вельяминову, в котором описывается освящение деревенской церкви,

построенной Львовым, и которое резко отличается по своему стилю как от стиховых посланий Львова, так и от его частных писем. О значении и роли этих посланий в творчестве Львова было уже сказано выше. В рукописном сборнике имеется целый ряд таких посланий к гр. Безбородко, П. В. Бакунину, И. А. Муравьеву, Олениным, А. М. Бакунину, гр. А. А. Мусину-Пушкину; послания к Державину опубликованы Я. Гротом в примечаниях к сочинениям Державина. Публикуемые ниже три послания Львова за отсутствием места приведены не полностью.

ЕПИСТОЛА К А. М. БАКУНИНУ ИЗ ПАВЛОВСКОГО ИЮНЯ 14, 1797

ФОРТУНА

Слепой очима, духом зрячий,
Любитель сельской красоты,
Друг истинне и мне горячий,
Зачем меня опрыснул ты
Кастальской чистою водою,
Идущего мечты тропою,
Лишаешь нужной слепоты?
В которой леший слух прельщает,
Червяк дорогу освещает
До самой поприща меты?

Меня было ошеломило...

Ударясь в стену головой
И став как надобно шальной,
Какой-то скользкою тропой
Я шел и долом и горой;
И так было мне любо было,
В чаду, в тумане колесить!
За что ни попадя ловить
Ту непосредную, благую
Мадам летучую, нагую,
Пред коей жабой и ужом
Премудрой мир наш суетится.
А зелье перед ним вертится
Без оси беглым колесом
И к сотому остановится
И то на час прямым лицом.

Совет фортуной свет ученой
Сию Мадам; но тут не тот
(Прости Господь) у них расчет:
Они морочат мир крещеной!
Поверь мне, друг мой, это чорт...
Помилуй, целой век вертится
А голова не закружится,
Не поведет ей клином рот,
Все хороша и все прельщает,
Полсвета в обод загибает,
Полсветом улицу мостит,
И вихрем мир кутит, мутит,
И величает и страмит,
Народ и грабит и дарит.

Вчера кто к солнцу возносился,
 По милости ее явился
 Повержен в лужу и лежит;
 Лежит и изумлен зевает,
 Как в грязь попал не понимает,
 И думает еще, что спит.
 Сторонний умница дивится
 Знакомого узнать боится,
 От маранных друзей странится
 И думает: не чорт их нес;
 А завтра там же очутится.
 Кольцом и умница кружится
 За тем, что ум и наг и бос.

«Фортуны для богатства жаждут
 В богатстве счастье видит свет.
 От счастья бегут и страждут,
 И ищут там, его где нет»:
 Я так подумал и очнулся,
 Из Талыжни черпнул воды,
 Умылся, проглянул, встряхнулся,
 Ай батюшки беды, беды!
 Куда меня нелегка сила
 В чаду обманом затащила?
 Отколь молитвой ни крестом
 Никто не может отбожиться,
 Лежать в грязи или кружиться
 Обязан каждой колесом.

За чем? да мне за чем мотаться?
 Мне шаркать, гнутья и ломаться!
 Ты право со слепу не в лад определил;
 Лишь был бы я здоров и волен,
 Я всем богат и всем доволен,
 Меня всем бог благословил:
 Женил, и дал мне все благое.
 Я счастье прочное прямое
 В себе иль дома находил,
 И с ним расстаться не намерен!
 Я истинно мой друг уверен,
 Что ежели на нас фортуны фаворит
 (В котором сердце бы не вовсе зачерствело)
 В Никольском поглядит
 Как песенкой свое дневное кончив дело,
 Сберемся отдохнуть мы в летний вечерок
 Под липку на лужок,
 Домашним бытом окруженны,
 Здоровой кучкою детей,
 Веселой шайкою нас любящих людей,
 Он скажет: как они блаженны...»

Приводимые ниже отрывки взяты из послания к гр. А. А. Мусину-Пушкину (к жене его обращено «Ботаническое путешествие на Дудорову

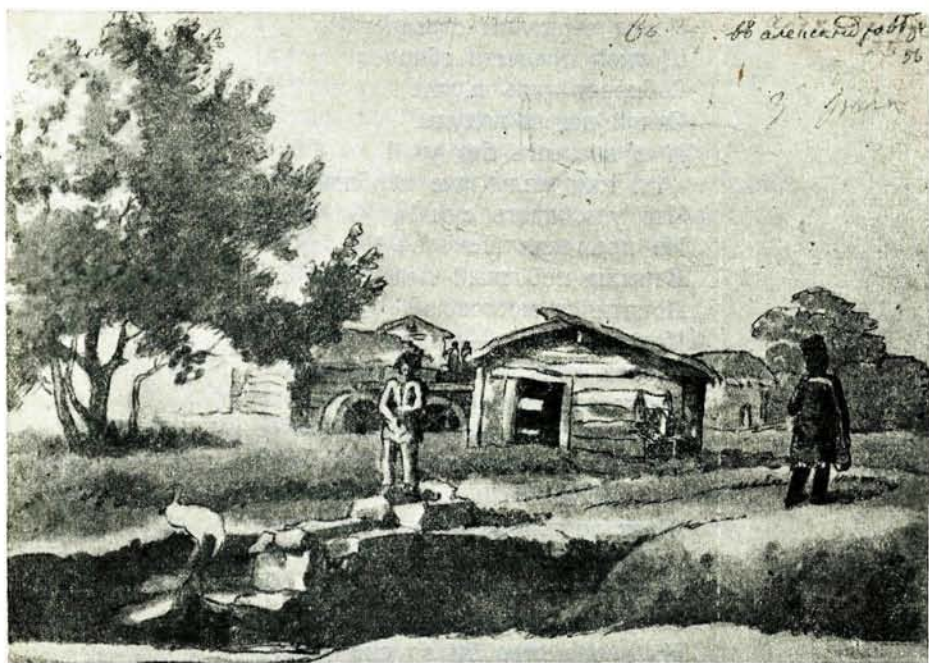

РИСУНОК Н. А. ЛЬВОВА ИЗ ЕГО АЛЬБОМА ПУТЕВЫХ ЗАПИСЕЙ
И ЗАРИСОВОК КРЫМА И НОВОРОССИИ (1802—1803 гг.)
Институт Русской Литературы, Ленинград

гору»). Оно озаглавлено: «Графу Аполлосу Аполлосовичу Мусину-Пушкину от меня неименитого обычное челобитье 20 августа 1801 года С.Петербург» и начинается словами:

Пронесся нам петуший глас,
Что вы, мой граф! опять в Кавказ...

В тетради имеются стихи, написанные из Нижнего-Новгорода от лица Мусина-Пушкина, в которых он извещает Львова о предстоящем своем отъезде на Кавказ. «Челобитье» по всей вероятности представляет собой ответ на эти стихи.

Второй из приведенных ниже отрывков из послания Мусину-Пушкину интересен своим реалистическим и сатирическим характером.

Ирония и тенденция к реализму, вообще свойственные Львову, в особенности сказались в его «посланиях», написанных шутливым и фамильярным слогом и изобилующих личными намеками.

С полуденных стран богатых
Подымается туман,
На чудовищах горбатых,
Трезвых, сильных и мохнатых,
От краев валит хлопчатых
С позвонками караван.

* * *

Красота для всех продажна,
Кошелек раба присяжна,
Сверх подушки на окне

Перед зеркалом страдает
 Щоткой прелести собирает
 Собирает дань в уме
 Силой новья полуды
 И в восторге без ума!
 «Ах! как милы мне верблюды,
 Что у каждого сума!»
 Из прилавка шемелою³
 Барыша побочный сын
 Покатился мостовою
 Колесом, а ось—аршин.
 Глазом тонким и подвижным
 Весит, мерит и берет
 И умом скоропостижным
 Не купя уж продает
 И богатеет,
 Жнет аршином, а не сеет.
 В уголку наедине
 Уже входит в откуп чадной
 Сыт дитя с природы жадной.
 На дворянство он во сне
 Цепь златую налагает;
 Длинные кудри завивает,
 Длинные полы подстригает,
 Поступает
 В важный чин,
 И по весу разночинец стал по мере дворянин.

Любопытно послание к И. М. Муравьеву, написанное песенным размером; в нем выражены «славянофильские» тенденции Львова. Для характеристики стиля посланий Львова интересно, что народный склад переходит затем в обычный шуточный тон посланий, написанных неравносложными стихами, и кончается итальянскими прибаутками.

ИВАНУ МАТВЕЕВИЧУ МУРАВЬЕВУ ЕДУЩЕМУ В ЭТИН⁴ МИ-
 НИСТРОМ, В ОТВЕТ НА ПИСЬМО ЕГО ИЗ МОСКВЫ ОТ 15 ГЕН-
 ВАРЯ 1797

Пусть крутят в крючки темнорусые
 И с просединой волоса мои,
 А слова мои слуги быстрые
 Духа жаркого сердца русского
 Пусть запишет нам парень грамотной.
 Каково же мне титулярному?
 Что нет времени и к друзьям своим
 Самому писнуть—не прогневайтесь,
 Что спасибо вам опоздал сказать
 За жадобную⁵ ладу грамотку.
 Любо было мне получить ее.
 Прочитав ее я задумался,
 А задумавшись слово вымолвил:
 «Рано, рано ты, млад ясен сокол,

Со тепла гнезда подымаешься,
Оставляешь ты дом отеческой
И родимую нашу сторону.
Покидаешь ты верных слуг твоих,
С другом пламенным разлучаешься?
Ах! не с ним ли ты тайну речь держал?
Чтобы вместе жить неразлучно век,
Чтобы пищу есть с одного стола,
А платье носить с одного плеча,
А теперь, сокол, птичка острая,
Не простясь с ним, возвиваешься...
Залетел сокол уж за облако...
Что за облако лучезарное,
Лучезарное иноземное,
Любо там тебе?—в молодых летах
На заморской край мы в раек глядим,
Блеском радужным я прельщался сам;
Но из за моря все домой глядел.
Нет утех прямых, мне казалось, там,
Где нельзя ими поделиться с кем!
Где пролить нельзя животворный дух
Счастья русского в недры русские.
С кем поддержишь там богатырскую речь?
С кем отважную грянешь песенку?
Исполинской дух наших отчищец
Во чужих землях людям кажется
Сверхъестественным иступлением!
Да и как ему не казаться так
Во чужих землях все по ниточке
На безмен слова, на аршин шаги.
Там сидят сидят, да подумают,
А подумавши отдохнуть пойдут,
Отдохнувши уж, трубку выкурят
И задумавшись работать начнут.
Нет ни песенки, нет ни шуточки.
А у нашего православного
Дело всякое между рук горит.
Разговор его громовой удар,
От речей его искры сыплются,
По следам за ним коромыслом пыль!...

Это стихотворение подводит нас к наиболее интересной части творчества Львова—его «народной» поэзии.

Н. Львов был одним из наиболее последовательных пропагандистов «народности», интерес к которой в литературе усилился по мере роста сентиментальных и романтических тенденций. Идея национальных форм литературы выдвигалась новой идеологией в противовес обезличенности, вневременности и интернациональности дворянского классицизма. В народном творчестве Львов вместе со многими другими видел источник обновления литературы, основу новой поэзии, которая выдвигалась на смену классической, разрушенной Державиным. В частности он

видел в имитации народного стиха, ритмически свободного, не связанного силлабо-тонической системой, выход из того ямбического тупика, в который привели русскую поэзию эпигоны сумароковской школы (вопреки практике самого Сумарокова).

В 1790 г. Львов издает «Собрание русских песен, положенных на музыку Прачем»; по авторитетному свидетельству Державина и Ф. Львова, все заслуги по составлению этого сборника принадлежат исключительно Львову, который пригласил Прача лишь для музыкальной записи песен с голоса. Он же написал к сборнику предисловие, в котором интересные высказанные им мысли о музыкальном народном творчестве. Основные взгляды его по данному вопросу сформулированы в «Добрыне, богатырской песни». «Лет за десять перед сим,—пишет автор «Памятника Н. А. Львову»,⁶—он в некотором кругу друзей своих рассуждая вообще о преимуществе тонического стихосложения перед силлабическим, утверждал, что и Русская поэзия больше могла бы иметь гармонии, разнообразия и выразительных движений в тоническом вольном роде стихов, нежели в порабощении одним только хореем и ямба, и что можно даже написать целую русскую эпопею в совершенно русском вкусе. В доказательство сего на другой же день после упомянутого разговора, предположив себе план для русской поэмы, в которой должен быть описан брак Великого Князя Владимира I и при оном потехи русских витязей, а преимущественно витязя Добрыни Никитича,—он в одно утро написал вступление в сию поэму... и удачным исполнением своего предложения удивил друзей своих. Вступление оканчивается тем, что пиит, будто приближаясь к Киеву, находит там торжество, но неизвестно, продолжал ли покойный автор сию поэму».

В рукописном сборнике вслед за первой песней идет начало второй главы, вернее содержание второй главы и несколько строк стихов. Возможно, что поэма и не была продолжена Львовым. По словам Львова

Анапест, Спондеи и Дактили
Не аршином нашим мерены;
Не по свойству слова русского
Были за морем заказаны,
И глагол славян обильнейший,
Звучной, сильной, плавной, значущий,
Чтоб в заморскую рамку втискаться
Принужден ежом жаться, корчиться....⁷

Перевод «Песни Гаральда Храброго» сделан им размером русской песни «Не звезда блестит далеко в чистом поле»; в рукописном сборнике имеется еще целый ряд стихотворений, написанных песенным размером.

Интересны высказывания Львова о «народной мифологии». В письме к Державину он говорит:

Я слова б не сказал,
Когда, сошедши с трона,
Эрот бы Лелю место дал
Иль Ладе строгая Юнона,
Затем, что били им челом
И доблесть пели наши деды...

В рукописном сборнике имеется (в трех вариантах) следующее четверостишие:

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА „СОБРАНИЯ
РУССКИХ ПЕСЕН“ 1790 Г., ИЗДАННОГО
Н. А. ЛЬВОВЫМ С ЕГО ПРЕДИСЛОВИЕМ
Публичная Библиотека, Ленинград

НАДПИСЬ К СТАТУЕ ФАЛЬКОНЕТОВОЙ, ЕРОТА ИЛИ ЛЕЛЯ ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ

«Остались имена, упали ваши троны
Властители сердец досель
Ероты, Купидоны
Когда зажег светильник Лель».

Вместе с Державиным и Карамзиным Львов дал ранние образчики белых стихов как своими подражаниями русской песне, так и переводами из Анакреона, в которых он сохранил размер подлинника. Этот перевод, особняком стоящий в литературе 90-х годов, является первым образцом Винкельмановского неоклассицизма в русской литературе.

ПЕСНЯ

Как бывало ты в темной осени,
Красно солнышко, побежишь от нас,
По тебе мы все сокрушаемся,
Тужим, плачем мы по лучам твоим.
А теперь беги, солнце красное,
На четыре ты на все стороны;
Мы без скуки все рады ждать тебя
До самой весны, до зеленыя.

Ведь другое к нам солнце катится,
Солнце красное, наше родное,
Неизменной наш тих светел месяц
На крылах любви поспешает к нам.

Ты спеши, спеши к нам, наш милый друг,
Наше родное солнце красное,
Неизменной наш тих светел месяц,
Опускайся к нам своим детушкам.

По тебе мы все стосковались,
Насмотреться дай на лицо твое,
Дай послушаться нам речей твоих
Всем от старого и до малого.

Приводимая ниже «Ночь в чухонской избе на пустыре», одно из лучших произведений Львова, замечательна теми элементами романтизма, которые делают из нее своеобразную русскую балладу, появившуюся в 1797 г. Львов написал ее в Гатчине, где занимался тогда возведением своих земляных строений; стихотворение обращено к его жене, Марии Алексеевне, и было вероятно послано при письме к ней; вместе с этим письмом оно переписано в тетрадь. В виду указанной литературной функции, которую носили эти письма Львова, мы помещаем его целиком, тем более, что оно дает биографическое пояснение к стихотворению.

Гачино 30-е сентября 1797.

М. Г. М. А.

Вот, мой друг, как ты уехала, а государь меня послал достраивать земляной домик в чухонскую деревню; жил я там один одиноконек, в такой избе среди поля, в которой во весь мой короткой рост никогда прямо стать нельзя было. Притом погода адская, дождь, ветер, а ночью вой безумолкнутой от волков так расшевелили меланхолию, что мне и мальчики казались; не мог ни одной ночи конца дождаться, а волки все воют; я представил, что они и девочку съели, да ну писать ей песнь надгробную: ничего бы этого не было, кабы ты не уехала, ночь бы себе, а мы себе.— Вот как я приеду к тебе в Никольское, то и дам ноты волкам, пусть они поют, как умеют, а мне казаться будет Концертом Паезелловым.

Сего дня 6-е Октября

Здравствуй м. д. скоро отделаюсь и в Питер и далее

Арапакаси 30-е сентября 26-го дня 1797.

НОЧЬ

в чухонской избе на пустыре

Волки воют... ночь осенняя
Окружая мглою темною
Ветхой хижины моей покров
Посреди пустыни мертвыя,
Множит ужасы—и я один!
Проводя в трудах ненастной день
И в постеле одиноческой
Я надеялся покой найти;
Но покой бежит из хижины,

Где уныние прерывается
Только свистом ветра бурного!
Отворю, взгляну еще в окно.
Не мерещется ль зоря в дали?
Не слышать ли птицы бодрственной?
Возбуждающей людей на труд?
Не поет ли вестник утренний?
Воют волки... ночь ненастная
Обложила все лице земли
Хладом ужасом—и я один!

Холод, ужас и уныние,
Дети люты одиночества,
Обвилися, как холодной змей,
И в объятиях мучительных
Держат грудь мою стесненную;
Лено в жилах протекает кровь
Бьется сердце, хочет выскочить,
Ищет кажется товарища,
С кем напасть бы разделить могло.

Кто жестокой жребий бедственной
Посреди степей живущего
В тесной падающей хижине,
Где витает бедность вечная,
И ненастну ночь холодную
Разделить с тобой отважится?
Ты одна, о мой душевный друг!
Дух спасительный судьбы моей,
Ты одна б со мной решилася
С чистой радостью сердечною
Как блаженство и напасть делить.
О когда б ты здесь была со мной,
Не посмело бы уныние
При тебе, мой друг, коснуться нам!
Буря, мрак, пустыня, хижина,
В тесных пламенных объятиях
Под крылом любви испытанной
Умножила б наше счастье.

Но мой друг уж далеко отсель,
В след за нею покаталися
Красные дни мои и радости,
Холод, ужас и уныние,
Вы теперь мне собеседники,
Незнакомые товарищи!
Ваши хладны узы грудь мою
Наполняют неким бедственным
Смертоносным едким холодом...
Ах давно ли в узах счастья
Я утех не видал конца
И не знал числа забав моих,
Мне горячность друга милого,
Удовольствий неописанных

Бесконечный круг готовила.

Бесконечной Ночи бурной визг
Умножаясь продолжается...
Что за страшный громовой удар
Потряхнул пустыню спящую?
Отдался в лесу и лес завыл?
Выйду, встречу Ночь лицом в лицо,
Посмотрю на брань природных сил...
Вихрь изринул с корня старой дуб,
Опроверглась кровля хижины,
Буря мрачная спасла мне жизнь,
Знать из утлого пристанища,
Знать затем меня и вызвала.

Но что, что ты мне, несчастный ветер,
Что принес на крыльях трепетных?
Жар исполнил хладну грудь мою,
Из источника сердечного
Разлилася кровь кипящая...
Голос... имя... но послушаем...
Ах я слышу голос девичий,
Умирающей, растерзанной,
Стае хищной, злобной, воющей
Жертва юная досталась!
И последние слова ее,
Чувства нежного свидетели,
Излетели из прекрасных уст
Вместе с именем любезного...

О! несчастные отец и мать!
Окончав свой обыденной труд,
В ваши нежные объятия,
Одинокая, любимая
Дочь любезна торопилась...
Уже скатерть белобраная
На столе дубовом послана,
Уж стояли яствы сладкие
И в восторге мать злосчастная
Суеуилась, готовила
Для дитяти ложу мягкую,
Где бы юная работница
Отдохнула, освежилась.
За воротами отец стоял;
В темноте ему мечталось,
Что несется в светлом облаке
Облеченна в ризу белую,
В небеса душа прекрасная.
«Умерла моя любезна дочь
И печаль вошла в мой горькой дом».
Он сказал, и бледность смертная
Облекла его унылый взор,
Ноги горестью подскленились...
Но далеко, и давно уже

Вышел встретить за околицу
 Нину милую сердечной друг.
 Для любви его плающей
 Нет ни вихрю, нет ни мрачности.
 Терн ему и камни кажутся
 Путь, травой душистой устланный.
 Он летит вперед, надеясь
 Встретить Ангела любви его.

РИСУНОК Н. А. ЛЬВОВА — ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ЕГО ОПЕРЕ
 „ПАРИСОВ СУД“ (1796 г.)

Публичная Библиотека, Ленинград

Воротися, добрый молодец,
 Для тебя уж ночь не кончится,
 Не придет уж на зоре к тебе
 За ушко любовь будить тебя,
 Далеко уж твой сердечной гость,
 И часы твои счастливые
 Погрузились в бездну вечности...
 Вся деревня завтра празднует
 День веселой, день рождения
 Красоты, доброты, прелестей,
 День, в которой мир украсила,
 Как взглянула в первый раз на свет
 Нежный друг твоей горячности.

На восходе солнца красного
Придут с пляской, придут с песнями
Все ее подруги верные
К дому юноши печального
Спросят где? куда девалася
Коноводка дней их праздничных,
Где душа игры веселости?
Где румяная, где розовая,
Их подруга голосистая.

На устах твоих спеклася кровь
И на веждах тяжких горестных
Замерла слеза горячая.
Ты покажешь мановением
Члены нежные растерзаны,
И потерю вашу общую
Обличит черта кровавая...

Не всходи ты, солнце красное,
Продолжися, ночь ужасная...
Может ветра свист в ущелинах,
Мне в пустынном одиночестве
Показался голос девичий.

Менее удавались Львову сентиментальные романсы в духе песен Дмитриева. В рукописном сборнике имеется целый ряд подобных стихотворений, одно из них с характерным названием «Стернов чижик»:

Бабочка летает в поле
Со цветочка на цветок;
Скучно, скучно жить в неволе,
О! мой миленькой дружок.

Так то в клетке птичка пела
И подругу так звала:
Ах! куда ты улетела
И утexas унесла.
Скучно, скучно жить в неволе,
О мой миленькой дружок:
Бабочка летает в поле
Со цветочка на цветок.

Неужели изменяла
Сельска бабочка? нет, нет!
Бабочка цветка искала,
Где любовь ее живет.
Бабочка летает в поле
Со цветочка на цветок.
Скучно, скучно жить в неволе
О мой миленький дружок!

О! когда б ты воротилась
В клетку маленьку мою,
Для тебя б я потеснилась
И жила бы как в Раю.
Бабочку пускай бы в поле
Каждой привлекал цветок,

Нам не скучно б и в неволе
Было, миленький дружок.

Сентября 10-е 1793.

ЗИМА

Ах! зима, зима лихая,
Кто тебя так рано звал,
Головой снигирь качая
Зауныло припевал.

Лишь цветочки ароматны
Нам успели плод принесть,
Где девались дни приятны?
Что в плодах, как не с кем есть.
Нежны птички улетали...
С ними я бывало пел,
Песни клетку позлащали,
В ней с любовью я сидел!

Ах! зима, зима лихая,
Кто тебя так рано звал,—
Головой снигирь качая
Зауныло припевал.

В ней с подругою прелестной
Мы пеняли на простор.
Есть ли угол темной, тесной,
Где любимой светит взор!
Все с тобой, зима лихая,
Помирюсь я как-нибудь,
Коль любви не остужая
Нежности даешь соснуть.

Ах! зима, зима лихая,
Кто тебя так рано звал,
Головой снигирь качая
Зауныло припевал.

«Снигирь», «Птичка», «Отпускная двум чижикам», напечатанная в «Аонидах», дополняют эту серию карамзинско-дмитриевских «пичужечек». Но позиция Львова своеобразна; считая вместе с Карамзиным, что «один мужик говорит «пичужечка» и «парень»⁸, он в противоположность Карамзину, который писал: «первое приятно, второе отвратительно», воспринял «народность» в обоих этих ее аспектах.

Приводимая ниже «Песня для цыганской пляски» написана, подобно переводу «Гаральда», размером русской песни (здесь «Вдоль по улице молодец идет»). «Цыганской» Львов назвал ее в силу своей классификации русских песен, которую он дает в предисловии к «Сборнику русских песен». «Между сими плясовыми песнями есть еще особливые, более образом пения, нежели сложением своим: их называют Цыганскими, поелику под сии только одни можно плясать по-цыгански... ...В них более прочих Мелодии, более веселости, в них есть некоторые короткие припевы, как то люли и проч. некоторые приговорки». В качестве примера он указывает ряд песен, в том числе и «Вдоль по улице молодец идет».

ПЕСНЯ ДЛЯ ЦЫГАНСКОЙ ПЛЯСКИ

На голос «Вдоль по улице молодец идет».

Чок, чок,

Чок, чок,

Чеботок,

Ты зачем не звончат, не легок? (2).

Стебелек,

Что прилег

Твой цветок,

Иль сидел на тебе мотылек!

Чок, чок, чок, чок, чеботок,

Иль сидел на тебе мотылек.

Иль сидел на тебе мотылек,

Иль пришел мой дружок

На лужок.

Чок, чок и проч.

На лужке был лесок

Не высок,

А в нем тек

Ручеек

Крутоберег.

Чок, чок и проч.

Недалек, недалек

Вечерок:

Я урвусь на часок

Где дружок.

Чок, чок и проч.

Я возьму уголек

В плетешок

И пойду на лужок

Поперек.

Чок, чок и проч.

Вдруг махнул ветерок

В уголек,

Огонек

Мой зажег

Плетешок.

Чок, чок и проч.

Потемнел, потемнел вечерок,

Потерялся следок

На лужок.

Чок, чок и проч.

Потерялся следок

На лужок,

Не дождался цыганку

Дружок.

Чок, чок и проч.

Мне денек этот был

Не легок

Осердился мой миленькой дружок.

Чок, чок и проч.

С исканиями Львова в области народной поэзии связаны и две из его опер. Львов, любительски занимавшийся музыкой, кроме предисловия к «Сборнику русских песен» написал еще «Объяснение на музыку, г. Сартием написанную» (при «Начальном управлении Олега» Екатерины II). В рукописном сборнике имеется кроме указанных выше песен ряд стихотворений, написанных на готовую музыку (дуэты на музыку Зейделямана и Жирдини).

Здесь же имеется три оперы Львова: «Ямщики на подставе», «Парисов суд» и «Милет и Милета, пастушья шутка для двух лиц», которой предпослано письмо к Яхонтову с просьбой написать для нее музыку; кроме того Львову принадлежит опера «Сильф или мечта молодой женщины», написанная им в 1778 г. и сохранившаяся в бумагах Державина (т. 38); музыка для нее также была написана по желанию Львова Яхонтовым.

Ф. Львов указывает еще на перевод Н. Львова либретто оперы Паэзиелло «Нина или от любви сумасшедшая». Русское либретто этой оперы, сохранившееся в рукописи в Центральной Библиотеке Государственных Академических Театров, повидимому и есть то самое, о котором говорит Ф. Львов.

Из этих опер интересны «Ямщики на подставе» и «Парисов суд». Опера «Ямщики на подставе, игрище невзначай» (А. Финагин в статье о Фомине в сборнике «Музыка и музыкальный быт старой России» ошибочно приписал текст этой оперы композитору Фомину, написавшему для нее музыку) написана Львовым в 1787 г., была поставлена в том же году и является одной из многочисленных комических опер на «народный» сюжет, вызванных в свет успехом знаменитой оперы

ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ

Акварель неизвестного художника (конец XVIII в.)

Русский Музей, Ленинград

Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват». По указанию кн. Шаховского в его «Летописи Русского Театра» («Репертуар Русского театра» на 1840 г.) «природный ум автора как-то не пришелся на сцене. Ямщики не удержались на подставе». Либретто «Ямщиков» напечатано отдельной брошюрой в Тамбове в 1788 г., когда там губернаторствовал Державин.

Опера «Парисов суд» представляет собой применение героин-комической, травестийной традиции к драматическому жанру. Героическое игрище—так называет Львов свою оперу. Героин-комическое произведение требует бурлескного смещения «высоких» и «низких» пластов литературы. Именно в плоскости этой традиции понял свою задачу Львов, особенно в трактовке роли Париса—деревенского пастуха, и Юноны—можайской купчихи (в таком наряде она и изображена на его рисунке к «Суду Париса»). Интересно, что Львов, перелицовывая античный сюжет, переосмыслил победу Венеры: в «Суде Париса» Венера ловко подхватывает яблоко, нечаянно уроненное Парисом, который хотел отдать его Минерве.

Опера «Суд Париса» написана в 1796 г. и посвящена В. В. Капнисту. Неизвестно, была ли она поставлена и даже была ли написана к тексту Львова музыка. Опера Фомина «Золотое яблоко», написанная на тот же сюжет, по всей вероятности не имеет прямого отношения к «Суду Париса». Автором его либретто в рукописном списке представленных на императорских театрах опер указан И. Иванов (он же указан и у Арапова в «Летописи Русского Театра», и у Моркова в «Историческом очерке русской оперы»). Либретто и партитура оперы «Золотое яблоко» не сохранились. Приведенный А. Финагиным отрывок текста при оркестровых голосах оперы не совпадает с текстом «Суда Париса».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Сын Отечества» 1822 г., т. 77, и «Москвитинин» 1855 г., т. II, № 6.

² См. статью Б. И. Коплана «К истории жизни и творчества Н. А. Львова»,—«Известия Академии Наук СССР», 1927 г.

³ Шемела—метла, помело (местное).

⁴ Этин, Эйтин (Eutin)—главный город бывш. княжества Любек, в 36 км от г. Любека.

⁵ Жадобный—желанный, милый, любезный (тверск.).

⁶ Предпослан «Добрыне». «Друг просвещения» 1804 г., ч. III, № 9.

⁷ «Добрыня». Цитировано по рукописному тексту, незначительно отличающемуся от печатной редакции.

⁸ «Письма Карамзина к Дмитриеву». Письмо от 22 июня 1793 г.